

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 90. «И я вступаю в медленность ветвей»

Выпуск № 780

Александр Пушкин

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход её заслонён на воле бродящим в извилах
Плющём, любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виётся
Вдаль по роще густой, веселя её сладким журчаньем.

1827

Зинаида Миркина

Тропинка горная вела
Вглубь, как и линия ствола,
За пядью пядь, за шагом шаг.
И вот, расслаивался мрак,
Вливался внутрь цвета цвет
И дух сгущался, как предмет.

И в уплотнённой тишине
Протягивался в руку мне
И вкладывался в грудь клубок –
Наверно тот, который Бог
Разматывал за пядью пядь,
Чтобы весь этот мир создать.

1983

Выпуск № 365

Арсений Тарковский

Ходить меня учила мать,
Вцепился я в подол,
Не знал, с какой ноги начать,
А всё-таки пошёл.

Сад исходил я года в два
И вдоль и поперёк,
И что расту я, как трава,
Мне было невдомёк –

Не потому, что был я мал,
А потому что всё
Росло, и город подрастал,
Кружась, как колесо.

Навстречу облака текли,
Деревья и дома,
Базарный пригород в пыли,
Вокзал и степь сама.

По Лилипутии своей
Пошёл я напролом,
На сабли луговых людей
Ступая босиком.

Пока топтать мне довелось
Ковыль да зеленыя,
Я понял, что земная ось
Проходит сквозь меня.

1956

Даниил Андреев

из цикла «Босиком»

И воздух, поющий ветрами,
И тихо щебечущий колос,
И воды, и свищущий пламень
Имеют свой явственный голос.
Но чем ты уловишь созвучья

Лужаек, где травы и сучья,
Все выгибы, все переливы
Беззвучной земли молчаливой?

Язык её смутен, как пятна,
Уста её жаркие немые;
Лишь чуткому телу понятны
И песни её, и поэмы.
Щекотным валежником в чаще,
Дорогою мягко-пылящей,
На стёжке – листом перепрелым
Она говорит с твоим телом.

И слышит оно, замирая
От радости и наслажденья,
В ней мощь первозданного рая
И вечного сердца биенье.
Она то сурово неволит,
То жарко целует и холит,
То нежит тепло и упруго, –
И мать твою, и супруга.

Её молчаливые волны,
Напевы её и сказанья
Вливаются, душу наполняя,
Лишь в узкую щель осязанья.
Вкушай же её откровенье
Сквозь таинство прикосновенья,
Что скрыто за влагой и сушей –
Стопами прозревшими слушай.

1950

Выпуск № 1334

Мария Петровых

За окном шумит листва густая –
И благоуханна и легка,
Трепеща, темнея и блистая
От прикосновенья ветерка.

И за нею – для меня незримы,
Рядом, но как будто вдалеке, –

Люди, что всегда проходят мимо,
Дети, что играют на песке,

И шоссе в движенье непрерывном,
И ваганьковская тишина.
Я от них волненьем и блистаньем,
Трепетом живым отрешена...

Вянет лето, превращаясь в осень.
Август отошёл, и вот, спеша,
Ветер листья рвёт, швыряет оземь,
Откровенным холодом дыша.

И в окне, наполнившемся светом, –
Всё, что близко, всё, что далеко,
Всё как есть, что было скрыто летом,
Вдруг возникло чётко и легко.

Если чудо – говори о чуде,
Сочетавшем радость и печаль.
Вот они – невидимые люди!
Вот она – неведомая даль!

1955

Зинаида Миркина

Я шла и шла. Как будто путь знаком –
И всё-таки совсем незнаваем.
Кем я была? Оторванным листком?
А, может, заблудившимся трамваем?

Холодный ветер, словно одурев,
Хлестал и выл, навязчив и несносен.
Я заблудилась между трёх деревьев,
Меж трёх знакомых от рожденья сосен.

И всё кружилась и кружилась мысль,
И не было ни воли, ни покоя.
И вдруг я услышала: оглянись...
Да оглянись, ну что ж это такое?

Какой-то властный, очень тихий звук
Прорвал волну мучительного гула

Так внятно, так отчетливо... И вдруг,
И вдруг я в самом деле оглянулась.

И увидела дерево. Ну да, –
Передо мною дерево темнело.
С намокших веток капала вода,
И был весь мир непостижимо целым.

Сплетённых сучьев тонкие кресты
И этих веток никнущие плети...
О, Господи, да неужели Ты?!
Как это вдруг Ты сердцу стал заметен?

Всего один нечаянный наклон,
И всё, и – в небо линия прямая...
С тех пор я вечно говорю: вот Он,
А на меня глядят не понимая.

1984

Выпуск № 1176

Зинаида Миркина

Лес... Покуда хватит взгляда –
Тот же бесконечный вид.
Никого. И только рядом
Дятел дерево долбит.

И вот так же чётко, вроде
Звука дробного в тиши, –
Так чертёж стволов проходит
По листу моей души.

И стволов и тонких веток –
Тайна запечатлена.
Может статься, кто-то где-то
Прочитает письма.

1984

Лариса Патракова

Лес затаился тысячью дыханий,
Запутанных следов на тропах старых:
Ночь бредила моими же стихами
К рассвету роща в окнах выростала.

Тянулась в небо жадными стволами,
Не успевая заполнять страницы,
Я шла тропой, усеянной словами,
И рифмы в гнёзда настилали птицы.

На глаз, гортанью, языком, наощупь
Я уставала отбирать и помнить –
Со мною вместе выростала роща
Поэмы нескончаемой, огромной...

Арсений Тарковский

Струнам счёт ведут на лире
Наши древние права,
И всего дороже в мире
Птицы, звёзды и трава.

До заката всем народом
Лепят ласточки дворец,
Перед солнечным восходом
Наклоняет лук Стрелец.

И в кувшинчик из живого
Персефонины стекла
Вынуть хлебец свой медовый
Опускается пчела.

Потаённый ларь природы
Отмыкает нищий царь
И крадёт залог свободы –
Летних месяцев букварь.

Дышит мята в каждом слове,
И от головы до пят
Шарики зелёной крови
В капиллярах шебуршат.

1968

Выпуск № 347

Николай Гумилёв

На палатине

Измучен огненной жарой,
Я лёг за камнем на горе,
И солнце плыло надо мной,
И небо стало в серебре.

Цветы склонялись с высоты
На мрамор брошенной плиты,
Дышали нежно, и была
Плита горячая бела.

И ящер средь зелёных трав,
Как страшный и большой цветок,
К лазури голову подняв,
Смотрел и двинуться не мог.

Ах, если б умер я в тот миг,
Я твёрдо знаю, я б проник
К богам, в Элизиум святой,
И пил бы нектар золотой.

А рай оставил бы для тех,
Кто помнит ночь и верит в грех,
Кто тайно каждому стеблю
Не говорит своё «люблю».

1913

Арсений Тарковский

Когда под соснами, как подневольный раб,
Моя душа несла истерзанное тело,
Ещё навстречу мне земля стремглав летела
И птицы прядали, слышав конский храп.

Иголки чёрные, и сосен чешуя,
И брызжет из-под ног багровая брусника,
И веки пальцами я раздираю дико,
И тело хочет жить, и разве это – я?

И разве это я ищу сгоревшим ртом
Колен сухих корней, и, как во время оно,
Земля глотает кровь, и сёстры Фазтона
Преображаются и плачут янтарём.

1969

Выпуск № 55

Николай Гумилёв

Природа

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признаёт:
Вот луг, где сладкий запах мёда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдалённый вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнём пронизанной насквозь!

1918

Фёдор Сологуб

Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встаёт какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, —
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?

И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово
И мир создать себе живой?

Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колыхет.

Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздаётся властью чудной
Духовной жизни торжество.

1898

Даниил Андреев

Я не один. Друзья везде:
Всё явственней в любой звезде,
В луне двурогой и в лесу
Их взор, блестящий, как роса,
В дрожащих листьях на весу
Их шалости и голоса.

Я не один. Друзья везде:
В оврагах, в струях, борозде,
Журчат, лепечут и поют,
Насквозь пронизывают сны
И охраняют мой приют
У тихоплещущей Десны.

Они – прохладный тиховой
Моих садов, моих детей,
Они играют в шалаше,
Скользят у блещущих озёр,

Шуршат в полночном камыше
Моих дремучих Дивичор.

Я отвечаю их мирам
Служеньем – тихим по утрам,
Ласкаю и благодарю
С душою ясной налегке
И тайнствами говорю
На их бесшумном языке.

1950

Выпуск № 654

Владимир Набоков

Перо

Зелёньким юрким внучатам
наказывал леший в бору:
"По чёрным ветвям, по зубчатым,
жар-птица порхнёт ввечеру;

поймайте её, лешенёчки,
и клетку из лунных лучей
возьмите у ключницы-ночки,
да так, чтоб не видел Кощей.

Далече от чащи брусничной
умчите добычу свою,
найдёте вы домик кирпичный
в заморском, туманном краю.

Оставьте её на пороге:
там кроткий изгнанник живёт,
любил он лесные дороги
и вольный зелёный народ".

Так дедушка-леший на ели
шушукал, и вот ввечеру,
как струны, стволы зазвенели,
и что-то мелькнуло в бору.

Маячило, билось, блестело.
Заохал, нахохлился дед...
Родимые, знать, улетела
жар-птица из пёстрых тенет.

Но утром, как пламя живое,
на пыльном пороге моём
лежало перо огневое
с цветным удлинённым глазком.

Ну что ж, и за этот подарок
спасибо, лесные друзья.
Я беден, и день мой неярк,
и как же обрадован я.

1921

Осип Мандельштам

И клёна зубчатая лапа
Купается в круглых углах,
И можно из бабочек крапа
Рисунки слагать на стенах.

Бывают мечети живые –
И я догадался сейчас:
Быть может, мы Айя-София
С бесчисленным множеством глаз.

1933-1934

Лариса Миллер

Такая тоска и такое веселье
Испить до конца это дивное зелье.
Такое веселье, такая тоска,
Что жизнь и любовь не прочней волоска.
И тянется линия волосяная,
И ветер осенний над ухом стеная,
Слезу вышибает. И кружит у ног

Опавшие листья. И листья – манок,
И песни осенней щемящая нота –
Всего лишь тенёта. Манок и тенёта.
И это скрещенье ветвей и путей –
Привычный узор драгоценных сетей.

1982

Выпуск № 1127

Александр Блок

Старушка и чертенята (из цикла «Пузыри земли»)

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает её вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам –
Приложилась к мощам – и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зелёную травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умилённо глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются сёла пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевет и нам Купина...»

1905

Даниил Андреев

из цикла «Лесная кровь»

И вера нас не пустит, а не злоба,
На пасмурную исповедь к попу.
Он скажет нам: – Язычники вы оба,
Молящиеся первому снопу.

О, да: песок рассыпчатый и белый
И ягоды у каждого куста
Есть вечно создаемое тело
Всемирного, предвечного Христа.

Берёзою растёт Он и кристаллом,
Он спит в земле, как руды и зерно, –
Вот почему Своею плотью звал Он
Пречистый хлеб и мудрое вино.

И в каждой искре счастья и страданья
Живых творений Своего Отца
Таится Он, распятый в мирозданье,
Единый без начала и конца.

Степь

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава – под конскою подковой,
Душа – в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

Почиет степь, как неживая,
И на курганах валуны
Лежат – цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнёт репейника ресница,
Сверкнёт кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло,

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернёт и птицам и камням.

Любовный бред самосознания
Вдохнёт, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Ещё во сне пересоздав.

Максимилиан Волошин

Станет солнце в огненном притине,
Струйки тёмной потекут жары...
Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Дрём ветвей, пропитанных смолою,
Листья, мох и травы я сложу,
И огню, пленённому землёю,
Золотые крылья развяжу.

Вспыхнут травы пламенем багровым,
Золотисто-тёмным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий и пахучий дым.

Ты, Ликей! Ты, Фойбос! Здесь ты, близко!
Знойный гнев, Эойос, твой велик!
Отрок-бог! Из солнечного диска
Мне яви сверкающий свой лик.

1909

Николай Гумилёв

Естество

Я не печалюсь, что с природы
Покров, её скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.

Не человеческою речью
Гудят пустынные ветра
И не усталость человеческою
Нам возвещают вечера.

Нет, в этих медленных, инертных
Преображеньях естества –
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.

Поэт, лишь ты единый в силе
Постичь ужасный тот язык,
Которым сфинксы говорили
В кругу драконовых владык.

Стань ныне вещью, Богом бывши,
И слово веще возгласи,
Чтоб шар земной, тебя родивший,
Вдруг дрогнул на своей оси.

1919

Выпуск № 852

Андрей Белый

Тело стихий

В лепестке лазурево-лилейном
Мир чудесен.
Всё чудесно в фейном, вейном, змейном
Мире песен.

Мы – повисли,
Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

1916

Александр Пушкин

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их лёгкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,

Их тени благовонны
Над Летою цветут.

1825

Выпуск № 22

Даниил Андреев

Лечь в тебя, горячей плоти родина,
В чернозём, в рассыпчатый песок...
Над глазами расцветёт смородина –
Терпких ягод кисловатый сок.

Тихий корень, прикоснись к груди моей,
Выпей кровь из охладевших жил,
Мчи её наверх, в поля родимые,
Где когда-то я дышал и жил.

Осенью лиловые и красные
Зёрна ягод птицы поклюют...
Где конец твоим высоким странствиям,
Плоть моя, где для тебя приют?

1935

Арсений Тарковский

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
Не раздать бы всего, что напела мне птица,
Белый день наболтал, наморгала звезда,
Намигала вода, накислола кислица,
На прожиток оставить себе навсегда
Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
А уж если дороги не будет назад,
Так втянуться в него, и не выйти оттуда,
И – в аорту, неведомо чью, наугад.

1967

Максимилиан Волошин

Призыв

У излучин бледной Леты,
Где неверный бродит день,
Льются призрачные светы,
Веет трепетная тень.

В белой мгле, в дали озёрной,
Под намётом тонких ив,
Ты, гранатовые зёрна
Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,
Плен одежд и трепет рук,
Тёмным золотом полудней
Осмуглённый, знойный луг.

Но, собрав степные травы –
Мак, шалфей, полынь и чобр, –
Я призывные отравы
Расточу меж горных рёбр.

Я солью в сосуде медном
Жизни желчь и смерти мёд,
И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечёт.

Время сетью лёгких звений
Оплетёт твой белый путь,
Беглым золотом мгновений
Опалит земную грудь.

И, припав к родному полю –
(Все ли травки проросли?), –
Примешь сладкую неволю
Жизни, лика и земли.

1908

Выпуск № 637

Лариса Патракова

На смолистых золотых ступенях
Присела в девять лет, как сон, пуглива,
Гортань щекочет солнечное пенье
И юной плоти первые приливы –
Всё тянется за солнцем – тихо зреет...
Глаза закрыла, опустила руки:
Ласкает солнце, мучает, лелеет...
И со ступеней поднялась старухой.

Максимилиан Волошин

Ступни горят, в пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
– Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни. И слушай не дыша,
Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

1910

Арсений Тарковский

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюда
Листа ворсистого

хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,
Дай клятву мне взамен – принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнём обжечь.

1965

Выпуск № 9

Вильгельм Кюхельбекер

Отчизна

В утренний час бытия, когда ещё чувство восторгов,
Чувство страданий живых тихо дремало во мне, –
Ум, погруженный во мрак, не снимая с Природы покров,
С детской улыбкой ещё я на вселенну глядел.
Но и тогда волшебною силой задумчивый месяц
Неизъяснимой красой взоры мои привлекал:
Часто я, вечер сидя пред окном, исчезал в океане
Неизмеримых небес, в бездне миров утопал.
Игры, бывало, покину: над ропотом вод тихоструйных
Сладкой исполнен тоски, в даль уношуся мечтой, –
Тайна сам для себя, беспечный младенец, я слёзы
(Их я причины не знал), слёзы священные лил;
В полночь немую на мирном одре предчувствовал вечность;
При колыханьи лесов сладостным хладом объят,
Рано я слушать любил унылую жалобу бури.
Шорох падающих листов трепет во мне разливал;
Слышу, казалось, в воздухе голос знакомый, – безмолвен,
Слух устремляю в даль, – всюду молчанье, но даль
В тайной беседе со мной. – О сонмы светил неисчетных!
К вам улетал я душой, к вам я и ныне лечу:
Или над вами отчизна моя? над вами с родною
Чистой душой съединен, к Богу любви вознесусь?

1817

Алексей Толстой

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой тёмный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.

И с горней выси я сошёл,
Проникнут весь её лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздаётся,
Как сердце каменное гор
С любовью в тёмных недрах бьётся,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подымлетя певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что всё рождённое от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

1851-1852

Выпуск № 1394

Зинаида Миркина

И я вступаю в медленность ветвей,
В великий ритм, в совсем иную скорость.
И наконец-то всей душой своей
Я слышу мирового Дирижера.
Я слышу. Я угадываю. Вот
Внезапный блик, переплетённый с тенью,
Ещё один труднейший поворот,
Ещё одно точнейшее движенье,
То самое, какого просит Он,
То самое, что мне необходимо.

Так весь глухой круговорот времён –
Моё боренье с волею незримой?
О, Господи, я слышу голос Твой,
Душа сейчас внимательна и зряча.
Вступленье в вечный танец мировой –
Вот в чём моя великая задача.
И я вхожу в медлительность ветвей,
В их полные значения повторы.
И всей душой, всей волею своей
Прислушиваюсь к воле Дирижера.

Даниил Андреев

Кровь мира

(из поэмы «Песнь о Монсальвате»)

Тот день был одним из даров совершенных,
Которые миру дарит только май,
Когда вспоминаем мы рощи блаженных,
Грядущий или утраченный рай.
Луга рододендронов белых и дрока
Дрожали от бабочек белых и пчёл,
Как будто насыщенный духом и соком,
Трепещущий воздух запел и зацвёл.
Обвитые горным плющом исполины
Безмолвно прислушивались, как внизу
От птичьего хора гремели долины
И струи журчали сквозь мох и лозу.
Всё пело – и дух миллионов растений
До щедрых небес поднимала Земля,
Сливая мельканье цветных оперений
С качаньем шиповника и кизилия.
И солнце, как Ангел, тропой небосклона
Всходило над миром, забывшим о зле,
Для всех, кто припал к материнскому лону,
Для радости всех, кто живёт на земле.

Уж день истекал, когда вышла Агнесса,
И свет предвечерья сквозь кружево леса
Упал на задумчивое лицо,
На грубое, скошенное крыльцо.

.....

Усталая от нескончаемой муки,
В своём запылённом сером плаще,
Сложила благоговейные руки,
Помедлила в розоватом луче.
И вдруг, – точно девочка, быстрая, гибкая,
По тёплым ступенькам сбежала с улыбкой
Туда, к побережью, в зелёную вязь,
Где в папоротнике тропинка вилась.

Спускался таинственный час на природу:
И пчёлы, и птицы, и ветер утих,
Как будто сомкнулись прохладные воды
И низкое солнце алеет сквозь них.

– Как торжественно всё, как таинственно!..
Всё молчит, всё склонилось друг к другу...
Ах, пройти бы с тобой, мой единственный,
По такому вот мирному лугу!
Сердце в сердце, дыханье в дыханье,
Взгляд во взгляд, неотрывно, бездонно,
Сквозь цветенье, сквозь колыханье
Этих Божьих садов благовонных!..

Дорога исчезла. Но всюду, как вести
Младенческих лет непорочной земли,
Сплетались у ног мириады созвездий,
Качаясь и мрея, вблизи и вдали, –
То желтых, как солнце, то белых, как пена,
То нежно подобных морской синеве...
И сами собой преклонились колена,
И губы припали к мягкой траве.

– И не плоть ли Твоя это, Господи,
Эти листья, и камни, и реки,
Ты, сошедший бесшумною поступью
Тканью мира облечься навеки?..
Ведь назвал Ты росу виноградную
Своей кровью, а хлеб – Своим телом, –

И, навзничь склонясь в глубокие травы,
Темнеющий взгляд подняла в вышину,
Где чудно пронзённые светом и славой,
Текли облака к беспечальному сну.

Как будто из смертных одежд воскресая,
Весь мир притекал к золотому концу,
К живым берегам беззакатного рая,
К простершему кроткие руки Отцу.

– Дивно, странно мне... Реки ль вечерние
Изменили течение прохладное,
Через сердце моё текут, – мерные,
Точно сок – сквозь лозу виноградную...
Вот и соки – зелёные, сонные...
Смолы желтые, благоухающие...
Через сердце текут – умиленное...
Умоляющее...
Воздыхающее...
То ль растворяясь в желаемом лоне
    Стала душа
Смолами сосен на дремлющем склоне
    И камыша...

.....
.....

Или сердце ударами плавными?..
Или колокол – шире, всё шире, –
Будто благовест!.. благовест!.. благовест!..
Будто Сердце, Единое в мире!..
И просияло на тверди безбурной
    Сердце одно,
Бегом стремительным сферы лазурной
    Окружено.

Слова отлетели, растаяли,
Исчезли блёклыми стаями,

И близкое солнце, клонясь к изголовью,
Простёрло благословляющий луч, –
Бессмертная Чаша с пылающей Кровью
Над крутизной фиолетовых туч.
Сознание погасло...

    И мерно, и плавно,
Гармонией неизреченной светла,
Природа течением миродержавным
Через пронзённую душу текла.
Пока на Бургундской волнистой равнине
Туман перепутал леса и сады;

Пока не зажглось в вечеряющей сини
Мерцание древней пастушьей звезды.

1934-1938